

Затворник и Шестипалый

Автор:

Виктор Пелевин

Затворник и Шестипалый

Виктор Олегович Пелевин

«...Затворник тихо засмеялся, сделал несколько шагов по направлению к далекому социуму, повернулся к нему задом и стал с силой шаркать ногами, так, что за его спиной вскоре повисло целое облако, состоящее из остатков еды, опилок и пыли. При этом он оглядывался, махал руками и что-то бормотал.

- Чего это ты? - с некоторым испугом спросил Шестипалый, когда Затворник, тяжело дыша, вернулся.

- Это жест, - ответил Затворник. - Такая форма искусства. Читаешь стихотворение и производишь соответствующее ему действие.

- А какое ты сейчас прочел стихотворение?

- Такое, - сказал Затворник...»

Виктор Пелевин

Затворник и Шестипалый

- Отвали.

- ?..

- Я же сказал, отвали. Не мешай смотреть.

- А на что это ты смотришь?

- Вот идиот, Господи... Ну, на солнце.

Шестипалый поднял взгляд от черной поверхности почвы, усыпанной едой, опилками и измельченным торфом, и, щурясь, уставился вверх.

- Да... Живем, живем - а зачем? Тайна веков. И разве постиг кто-нибудь тонкую нитевидную сущность светил?

Незнакомец повернул голову и посмотрел на него с брезгливым любопытством.

- Шестипалый, - немедленно представился Шестипалый.

- Я Затворник, - ответил незнакомец. - Это у вас так в социуме говорят? Про тонкую нитевидную сущность?

- Уже не у нас, - ответил Шестипалый и вдруг присвистнул. - Вот это да!

- Чего? - подозрительно спросил Затворник.

- Вон, гляди! Новое появилось!

- Ну и что?

- В центре мира так никогда не бывает. Чтобы сразу три светила.

Затворник снисходительно хмыкнул.

– А я в свое время сразу одиннадцать видел. Одно в зените и по пять на каждом эпицикле. Правда, это не здесь было.

– А где? – спросил Шестипалый.

Затворник промолчал. Отвернувшись, он отошел в сторону, ногой отколупнул от земли кусок еды и стал есть. Дул слабый теплый ветер, два солнца отражались в серо-зеленых плоскостях далекого горизонта, и в этой картине было столько покоя и печали, что задумавшийся Затворник, снова заметив перед собой Шестипалого, даже вздрогнул.

– Снова ты. Ну, чего тебе надо?

– Так. Поговорить хочется.

– Да ведь ты не умен, я полагаю, – ответил Затворник. – Шел бы лучше в социум. А то вон куда забрел. Правда, ступай...

Он махнул рукой в направлении узкой грязно-желтой полоски, которая чуть извивалась и подрагивала, – даже не верилось, что так отсюда выглядит огромная галдящая толпа.

– Я бы пошел, – сказал Шестипалый, – только они меня прогнали.

– Да? Это почему? Политика?

Шестипалый кивнул и почесал одной ногой другую. Затворник взглянул на его ноги и покачал головой.

– Настоящие?

– А то какие же. Они мне так и сказали – у нас сейчас самый, можно сказать, решительный этап приближается, а у тебя на ногах по шесть пальцев... Нашел, говорят, время...

– Какой еще «решительный этап»?

– Не знаю. Лица у всех перекошенные, особенно у Двадцати Ближайших, а больше ничего не поймешь. Бегают, орут.

– А, – сказал Затворник, – понятно. Он, наверно, с каждым часом все отчетливей и отчетливей? А контуры все зримей?

– Точно, – удивился Шестипалый. – А откуда ты знаешь?

– Да я их уже штук пять видел, этих решительных этапов. Только называются по-разному.

– Да ну, – сказал Шестипалый. – Он же впервые происходит.

– Еще бы. Даже интересно было бы посмотреть, как он будет во второй раз происходить. Но мы немного о разном.

Затворник тихо засмеялся, сделал несколько шагов по направлению к далекому социуму, повернулся к нему задом и стал с силой шаркать ногами, так, что за его спиной вскоре повисло целое облако, состоящее из остатков еды, опилок и пыли. При этом он оглядывался, махал руками и что-то бормотал.

– Чего это ты? – с некоторым испугом спросил Шестипалый, когда Затворник, тяжело дыша, вернулся.

– Это жест, – ответил Затворник. – Такая форма искусства. Читаешь стихотворение и производишь соответствующее ему действие.

– А какое ты сейчас прочел стихотворение?

– Такое, – сказал Затворник.

Иногда я грущу,

глядя на тех, кого я покинул.

Иногда я смеюсь,

и тогда между нами

вздывается желтый туман.

– Какое ж это стихотворение, – сказал Шестипалый. – Я, слава Богу, все стихи знаю. Ну, то есть не наизусть, конечно, но все двадцать пять слышал. Такого нет, точно.

Затворник поглядел на него с недоумением, а потом, видно, понял.

– А ты хоть одно помнишь? – спросил он. – Прочти-ка.

– Сейчас. Близнецы... Близнецы... Ну, короче, там мы говорим одно, а подразумеваем другое. А потом опять говорим одно, а подразумеваем другое, только как бы наоборот. Получается очень красиво. В конце концов поднимаем глаза на стену, а там...

– Хватит, – сказал Затворник.

Наступило молчание.

– Слушай, а тебя тоже прогнали? – нарушил его Шестипалый.

– Нет. Это я их всех прогнал.

– Так разве бывает?

– По-всякому бывает, – сказал Затворник, поглядел на один из небесных объектов и добавил тоном перехода от болтовни к серьезному разговору: – Скоро темно станет.

– Да брось ты, – сказал Шестипалый, – никто не знает, когда темно станет.

– А я вот знаю. Хочешь спать спокойно – делай как я. – И Затворник принялся сгребать кучи разного валяющегося под ногами хлама, опилок и кусков торфа. Постепенно у него получилась огораживающая небольшое пустое пространство стена, довольно высокая, примерно в его рост. Затворник отошел от законченного сооружения, с любовью поглядел на него и сказал: – Вот. Я это называю убежищем души.

- Почему? – спросил Шестипалый.

- Так. Красиво звучит. Ты себе-то будешь строить?

Шестипалый начал ковыряться. У него ничего не выходило – стена обваливалась. По правде сказать, он и не особо старался, потому что ничуть не поверил Затворнику насчет наступления тьмы, – и, когда небесные огни дрогнули и стали медленно гаснуть, а со стороны социума донесся похожий на шум ветра в соломе всенародный вздох ужаса, в его сердце возникло одновременно два сильных чувства: обычный страх перед неожиданно надвинувшейся тьмой и незнакомое прежде преклонение перед кем-то, знающим о мире больше, чем он.

- Так и быть, – сказал Затворник, – прыгай внутрь. Я еще построю.

- Я не умею прыгать, – тихо ответил Шестипалый.

- Тогда привет, – сказал Затворник и вдруг, изо всех сил оттолкнувшись от земли, взмыл вверх и исчез за стеной, после чего все сооружение обрушилось на него, покрыв его равномерным слоем опилок и торфа. Образовавшийся холмик некоторое время подрагивал, потом в его стене возникло маленькое отверстие – Шестипалый еще успел увидеть в нем блестящий глаз Затворника – и наступила окончательная тьма.

Разумеется, Шестипалый, сколько себя помнил, знал все необходимое про ночь. «Это естественный процесс», – говорили одни. «Делом надо заниматься», – считали другие, и таких было большинство. Вообще, оттенков мнений было много, но происходило со всеми одно и то же: когда без всяких видимых причин свет гас, после короткой и безнадёжной борьбы с судорогами страха все впадали в оцепенение, а придя в себя (когда светила опять загорались), помнили очень мало. То же самое происходило и с Шестипалым, пока он жил в социуме, а сейчас – потому, наверное, что страх перед наступившей тьмой наложился на равный ему по силе страх перед одиночеством и, следовательно, удвоился, – он не впал в обычную спасительную кому. Вот уже стих далекий народный стон, а он все сидел, съежась, возле холмика и тихо плакал. Видно вокруг ничего не было, и, когда в темноте раздался голос Затворника, Шестипалый от испуга нагадил прямо под себя.

Кінець ознакомительного фрагмента.

Купити: <https://tellnovel.com/viktor-pelevin/zatvornik-i-shestipalyu>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)